

14. Новиков А.И. Диалектика русских революционных демократов и её место в истории домарксистской диалектики. – М., 1973.
15. Губарь И.И. Философия Гегеля в России. Автореф. дисс. канд. филос. наук. – Л., 1968.

Парунова Ю.Д. КОНЦЕПЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Актуальность исследования. Происходящий в Украине процесс освобождения граждан от отживших стереотипов сильного государства, наделённого неограниченными полномочиями, актуализирует строительство гражданского общества, как сферы внесударственных отношений и структур. Так как формирование гражданского общества в Украине находится на начальном этапе, обществоведами делается попытка осмыслить опыт зарубежных стран в этом вопросе. Прежде всего, за основу берётся опыт Западной Европы, где идея гражданского общества прошла становление, начиная с эпохи первоначального накопления капитала, с момента формирования индустриальной цивилизации. Она преодолела длительный период эволюции и нашла практическое воплощение в реальной жизни.

Какие ориентиры необходимо выбрать, для того чтобы без очередных потрясений обеспечить функционирование гражданского общества в Украине? Как практически осуществить идею гражданского согласия? Эти вопросы особенно актуальны для развития украинского общества.

Попытка осмыслить многообразие современных взглядов и теорий гражданского общества предпринимается как за рубежом (П. Бергер, Ж. Бодрийар, А. Велльмер, Э. Гидденс, Э. Геллнер, Р. Далендорф, М. Кастельс, Ж. Ф. Лиотар, Т. Лукман, А. Мелуччи, Р. Рорти, А. Турен, М. Фридмен, Ф. Фон Хайек, Л. Эрхард, М. Фуко, Б. Фливиберг, Ю. Хабермас, А. Хеллер и т.д.), так и на постсоветском пространстве (В.В. Витюк, К.С. Гаджиев, В.А. Гуроров, О.А. Габриелян, З.Т. Голиноква, И.И. Кальной, В.Г. Марахов, Ю.М. Резник, А.Д. Шоркин).

Цель данной работы – показать, как разрабатывается идея гражданского общества современными зарубежными философами. Автор статьи ставит перед собой *задачи*:

- рассмотреть основные постсовременные концепции гражданского общества;
- представить главные направления теории коммуникативной рациональности, социального акционализма, рефлексивной модернизации, сетевой концепции гражданского общества.

В XX веке во многих странах мира происходит завоевание личностью политических и экономических свобод, расширение свобод в сферах жизни, усиливается рационально-критическое отношение к социальной реальности, проявляется плюрализм идей, мнений. Идея гражданского общества трансформируется в сложные конструкции, перестаёт быть только теорией, становясь достоянием обыденного сознания. На первый план выступает интерпретация гражданского общества, предложенная Алексисом де Токвилем – толкование гражданского общества как особой внесударственной сферы социального организма. Возникают различные формы реального гражданского общества. В настоящее время уже мало кто отождествляет гражданское общество с государством, хотя бы даже и правовым, поскольку в таком случае понятие гражданское общество теряет собственное содержание. Гражданское общество теперь выполняет функцию связующего звена между личностью и государством, "частной" и "публичной" сферами, частным и общим интересами.

Институционализация идеи гражданского общества во второй половине XX века приводит к образованию множества научных школ и течений, имеющих политическое значение, так или иначе влияющих на расстановку политических сил. Некоторые из них стимулируют новые социальные движения, гражданские инициативы, способствуют формированию социокультурных и правовых образцов, определяющих поведение людей и гарантирующих их права и свободы.

В концепциях постмодерна гражданское общество определяется либо как общество, приходящее на смену традиционному общественному укладу, либо как общество, вырастающее из современного состояния и несущее на себе все его черты. В обоих случаях речь идет не о различных типах общества, а всего лишь о разных фазах или стадиях существования и развития гражданского общества. Даже представители теории постсовременности не отрицают сам факт существования гражданского общества, как такового. Они лишь подчеркивают значение постсовременной фазы его развития.

Представитель второго поколения Франкфуртской школы Юрген Хабермас во взглядах на гражданское общество вводит термин «коммуникативной рациональности» и «этики дискурса». «Коммуникативная рациональность напоминает старую идею логоса тем, что с ней ассоциируются представления о не-принудительно объединяющей, вырабатывающей консенсус силе дискурса, – в котором участники преодолевают их поначалу субъективно основанные взгляды в пользу рационально мотивированного согласия».

Под дискурсом Хабермас подразумевает межсубъектное рассуждение, проводимое в форме обсуждения со многими участниками и совместное принятия решений, т.е. диалоговый характер социального взаимодействия, где побеждают рациональные аргументы. Хабермас убежден, что современное общество представляет угрозу для коммуникативной рациональности. Поэтому для реализации демократических принципов необходимо защищать её принципы. На этом пути главными методами, позволяющими это

сделать, являются демократические политические механизмы и надежное правовое обеспечение базовых ценностей и практики дискурса [6].

В этом вопросе Хабермасу противостоят постмодернисты М.Фуко и Ж. Деррида. Они считают, что коммуникация во все времена была проникнута властью (силой): «власть (сила) присутствует всегда», - говорит Фуко [5, с.142]. Для коммуникации более типична нерациональная риторика и продвижение интересов, чем поиски консенсуса. Контекстуалист Р. Рорти критикует коммуникативную рациональность за то, что у Хабермаса она имеет статус религии, являясь исцеляющей и объединяющей силой, которая должна выполнять работу, которую когда-то выполнял Бог». Как говорит Рорти «нам (это) уже не нужно» [5, с.143].

Несмотря на полемику теория дискурса, внесла важный вклад в понимание современных социальных изменений. Последовательный демократ Хабермас, защищает её в своей практической деятельности, обращая внимание на то, что "общественность, создавая новые структуры гражданского общества, тем самым противостоит посягательствам государства, деспотизма, абсолютизма, авторитаризма на права человека и выдвигает на первый план гуманистические мотивы и ценности, немеркантильное, высокодуховное, нравственное поведение, самосознание, самоопределение, свободу и достоинство отдельной личности" [6, с.18]. Причем все общественные структуры, считает Хабермас, должны быть автономными, объединяя людей по интересам, которые у разных структур различны. И это правильно, потому что народный суверенитет не может воплощаться в гомогенном народе или нации.

Ряд философов постмодерна (Ж.-Ф.Лиотар, Ж.Бодрийар, З.Бауман, А. Турен) предлагают иной подход к рассмотрению проблемы гражданского общества.

Так Ж.Ф.Лиотар считает, что социальная жизнь организована вокруг языковых игр, служащих для оправдания или же легитимизации поведения людей в обществе. Он абсолютизирует компьютерные технологии, считая, что именно контроль над знаниями и информацией является главным источником власти. Лиотар предполагает, что будущие войны будут вызваны не спорами по поводу территории, а контролем над знаниями.

У Ж. Бодрийара материальную реальность в современном мире заменяют знаки и имиджи. Общество знаков и имиджей является виртуальной реальностью, где живут сигнифайеры, не имеющие ничего общего с тем, что они сигнифицируют. По Бодрийару, современное общество основано на производстве и обмене свободно плавающих сигнифайеров (слов и имиджей), не имеющих никакой связи с тем, что они сигнифицируют. В современных обществах преобладание сигнифайеров стремится уничтожить любую "реальность", с которыми они могут быть соотнесены. Представляется, что именно телевидение главным образом ответственно за наступление ситуации, когда имидж и реальность уже неотличимы [4, с.432].

Зигмунт Бауман обращается к синергетическому подходу, считая, что постмодерн предполагает наличие неких бифуркационных точек, содержащих возможности альтернативных трендов для социальных изменений в современном обществе.

Таким образом, постмодернисты отказываются от поиска истины. Только в многовариантности есть возможности для толерантности и творческого разнообразия, при которых люди не связаны догмами.

Французский теоретик Алэн Турен, основатель социального акционализма, выводит на первый план проблемы, связанные с агентством – социальным институтом, выполняющим функции медиатора, посредника в социальных отношениях.

Турен, доказывает, что главным вектором изменений, происходящих в современном обществе, является движение от историзма к концу социального. Он пишет о взаимных связях между культурой, знанием и социальным действием, развивая новую теорию социального субъекта - актора, действующего в условиях демодернизации, присущей современному обществу [4, с.433].

Широкое признание получили также работы соратника Турена итальянского социолога Альберто Мелуччи.

Главный предмет исследования А. Мелуччи – как связаны между собой культура, идентичность и социальные изменения. Рассматривая эти взаимодействия, он выходит на анализ связей между демократией и рефлексивностью.

В монографиях Мелуччи "Бросающие вызов коды. Коллективное действие в век информации" и "Играющее Я: личность и значение в планетарный век" автор развивает категорию рефлексивности и соотносит ее функционирование с коллективной идентичностью [4, с.433].

Особую значимость и важность опосредующих структур: церкви, семьи, общин, добровольных объединений – в качестве посредника между индивидом и государством поддерживают американские социологи Р. Нисбет и П. Бергер. Они предлагают политическим институтам всячески защищать и поощрять опосредующие структуры и использовать их везде, где только возможно. Только эти структуры смогут придать смысл и моральное измерение социальным и государственным институтам для того, чтобы человек в большей степени чувствовал себя "как дома" в современном обществе [1].

Спасти идею гражданского общества от нападков постмодернистов попытался Энтони Гидденс. Гидденс видит решение проблем времени постмодерна на путях развития и укрепления практики рефлексивности, как автономного мышления и индивидуалистического творчества, которая должна получать все большее распространение в современном обществе.

Гидденс одним из первых пришел к пониманию необходимости пересмотра предпосылок, лежащих в

основе анализа социальной реальности. Он предпринял решительный поворот от разработки теории современного капитализма к созданию теории структуриации. Его теория подчеркивает не столько дуализм - противоположность, сколько двойственность – многомерность в отношениях между агентством и структурой. Гидденс выявляет понимание необходимости теоретически переосмыслить новые формы медиации (опосредования) между агентством и структурой, культурой и властью, жизненным миром и системой, опытом и рационализацией. В первые годы XXI в. Гидденс обратился к изучению роли доверия в социальных отношениях. По его убеждению, рефлексивная модернизация может стать реальностью, лишь опираясь на мощный социальный ресурс доверия – и отдельных индивидов и групп друг к другу, и на прочные основы доверия между гражданами и властью [4, с.433].

Еще один влиятельный теоретик этого направления - Ульрих Бек. Для него наиболее характерной чертой современного общества является различная степень риска. Современное общество живет в условиях обостряющихся угроз, которые проникают практически во все сферы жизнедеятельности: экологию, экономику, политику, личную жизнь и т.д. Минимизация рисков должна привести к стратегии устойчивого развития. Итогом деятельности этого теоретического направления является обоснование возможности еще одного типа модернизации. Центральными элементами при ее реализации являются изученные и используемые в управлении обществом социальные механизмы культуры, а основой стратегии – соединение рефлексивности и дискурса, критики и размышления [4, с.433].

В настоящее время большая популярность приобретает теория сетевого общества, предложенная Мануэлем Кастельсом. В центре этой теории находится понятие сети, которая представляет собой глобализированные в области производственных отношений, в сфере власти, в сфере личного опыта взаимоотношения в обществе. Движущей силой такого общества является информация. В настоящее время власть все более отождествляется с доступом к информации, а также с манипулированием кодами культуры.

Сетевая теория доказывает существование глобального гражданского общества, субъектами которого являются не столько макросоциальные организации, предусматривающие международное членство (Amnesty International, Greenpeace и др.), сколько автономные международные организации, такие как Right Watch и др. Сети гражданского общества возникают, прежде всего, в тех областях, которые вызывают серьезную обеспокоенность международной общественности [3, с.113].

Сетевая теория описывает современную ситуацию как взаимное влияние друг на друга информации и культуры. Формирующаяся информатизированная культура начинает вбирать в себя коллективные идентичности, освобожденные от старых структур власти. В результате формируется «новая идентичность», которая должна использовать информационную культуру во благо демократии. Вертикальная иерархия заменяется горизонтальной. Власть растворяется в глобальных сетях, которые не контролируются каким-либо одним конкретным агентством. "Новая власть, - пишет Кастельс, - содержится в кодах и в образах репрезентации, вокруг которых общества организуют свои институты, а люди строят свою жизнь, определяют свое поведение" [4, с. 433]. В реальном мире, в мире социальной реальности, сосуществуют и взаимодействуют досовременные, современные и постсовременные социальные системы. Наиболее развитые в экономическом и культурном отношении страны Запада уже выходят на постсовременный уровень развития. Значительная часть стран, находящихся на современной стадии развития или на этапе перехода к ней. Так называемые развивающиеся страны относятся по данной типологии к переходным или традиционным формам общества, в которых гражданское общество находится еще в "эмбриональном" состоянии.

Общей чертой различных теорий постмодернизма является отказ от поиска системообразующих факторов институционализации гражданского общества. Для большинства из них характерен взгляд на формирование гражданского общества как во многом спонтанный и поливариантный процесс, обусловленный как объективными, так и субъективными факторами. Однако, вместе с тем делается допущение, что современный облик гражданского общества определяется прежде всего причинами нематериального характера. Если на этапе зарождения гражданского общества в его современном виде первостепенное значение имеет развитие промышленной индустрии и техники, то на этапе перехода к постсовременности преобладающим становится влияние культуры и символической интеракции.

Становление гражданского общества и демократического государства – это длительный процесс, масштабы и темпы которого невозможно декретировать. Однако этот процесс можно ускорить, проводя активную политику, рассматривая формирование гражданского общества как важное самостоятельное направление политики реформ.

На современном этапе в Украине идея гражданского общества проделала значительную эволюцию от концепции "социалистического гражданского общества" с присущим ей обращением к ценностям и нормам демократического и этического социализма до концепций, впитавших положения неоконсервативной идеологии, предостерегающей от пагубности поглощения гражданского общества государством и политизации всех сфер общественной жизни, и ориентированной на необходимость освобождения регионов от диктата центра, развития местной власти и самоуправления.

Источники и литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. – М., 1995.
2. Гуторов В.А. Современные концепции гражданского общества // Гражданское общество в России: стратегия и тактика формирования. – СПб., 2002.
3. Карнаух В.К. Россия и глобальное гражданское общество // Стратегия формирования гражданского общества в России. – СПб., 2002.
4. Общая и прикладная политология. Под общей редакцией В.И. Жукова, Б.И. Краснова. – М.: МГСУ, 1997.
5. Фливиберг Б. Хабермас и Фуко: мыслители для гражданского общества // Вопросы философии. – 2002. – № 2.
6. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М., 1992.

Рыскельдиева Л.Т.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА

Данная статья имеет *целью* выявление специфики философских текстов. Задача её выявления имеет большое значение для современной истории философии, понятой в качестве практической герменевтики. *Актуальность* постановки вопроса о практическом статусе историко-философской дисциплины, о герменевтике философских текстов с точки зрения практической (моральной) философии – весьма типичный для философской атмосферы Украины феномен. Отраден факт того, что именно здесь практическая философия европейского типа в последние годы развивается органично и самобытно. В этой связи укажем на существование киевского «Центра практической философии» и его регулярное издание «Практическая философия», выходящее с 1999г. *Предмет* рассмотрения данной статьи – текст практической философии в контексте *идеи полноты философского дискурса, её задача* – выявление специфики текста практической философии и осмысление методологической роли *философской деонтологии*.

Со времени общеизвестного «поворота к языку», осуществленного в XX веке и аналитической и герменевтической философией, язык занял место объективной реальности или бытия, а текст – предмета познания или объекта исследования. В каком бы свете ни рассматривалось пресловутое «практическое значение» философии и «общественно-историческая роль» философа, собственно философская деятельность, в конечном счете, во все времена всегда была связана с текстовой деятельностью, а чтение и письмо всегда были основными занятиями философа. Начиная со странствий души в диалогах Платона, «феоретических» размышлений Аристотеля, поучений древнеиндийских мудрецов, у ног которых собирались ученики, и строгой герменевтики слов Будды в энциклопедии Васубандху, воплощением всех философских поисков оказывался письменный текст – результат «одевания» мыслей в одежду букв и «снятия покровов» в процессе их осмысления читателем. «Осмысленный текст» есть топос философского творчества и «рабочее место» философа, он же – единственный путь саморефлексии. Именно поэтому есть непроходимая грань между текстами культуры, в отношении которых возможны любые аналитические, деконструктивистские и грамматологические процедуры, и философским текстом, любая операция с которым неизбежно влечет за собой ответственность оперирующего. Тексты культуры (поэзия, театр, музыка, религия и др.) создаются как её выражение, воплощение в культурных формах, так или иначе структурирующих так называемую «текстуру», материал жизни и опыта человека, личности, этой культуре принадлежащей и на языке этой культуры выражающейся. Мифопоэтический, народный, популярный, анонимный слой культурного текста неизбежен и нормален, но представить себе «философский фольклор» или анонимный философский трактат нельзя (хоть и «Псевдо-», но всё-таки Дионисий!). Автор – и написанного и прочитанного текста здесь главное действующее лицо и текстопорождающий механизм, анонимными в мире философии могут быть только анонимки.

Бессмысленны ли словосочетания «философская литература» и «философская поэзия», каков их статус в философском текстовом пространстве? Очевидно, маргинальный, пограничный и тем самым весьма значительный, ибо «топос маргинального» есть то место, откуда может начаться процесс осмысления, то есть собственно философское творчество. Кто лучше О.Мандельштама выразил проблему телесности: «Дано мне тело, что мне делать с ним, таким единым и таким моим?» Кто М.Пруста показал феномен времени? Кто лучше Ф.М.Достоевского обозначил пропасть между сущностью и существованием? Кто лучше Дж.Джойса погрузил в микро-мегамир? Поэты и писатели становятся философами тогда, когда им удалось пережить и осмыслить метафизический опыт, но когда дисциплинарно они не встроены в философскую культуру или определенную философскую традицию. Художественные средства бывают востребованы философами тогда, когда, пережив метафизический опыт и будучи конечным, телесным существом, они не оставляют надежды на создание адекватного метафизического текста, используя замену интеллектуальных построений на чувственно-образные с помощью метафор.

Таким образом, принципиальное отличие философского текста от поэтически-художественного обна-